

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 23 мая 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 23 de mayo de 1987 No. 1921

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА

НЕПРОДУМАННЫЙ ПОХОД

Е. Фокин, в № 1619 "Нашей Страны", весьма метко распределил тезисы Б. Бровцына, изложенные в статье сего последнего "Если завтра в поход", по трем рубрикам: приемлемые, ненужные и неприемлемые. Однако, с его оценками я не совсем согласен.

Напрасно он критикует Священный Союз. Идея была прекрасная: не только благородная, но и практически мудрая. Она разбила о тупой и близорукий эгоизм западных держав. Но это уж не вина России и русских царей: они предложили свое решение задачи, — и тем хуже, если Европа проявила себя недостаточно умной и недостаточно честной, чтобы его принять! Установить ее неспособность к fair play только и можно было путем опыта. Мы ее все же надолго обеспечили мир.

Насчет же того, что с Соединенными Штатами у нас нет ни общих интересов, ни общих моральных принципов, в силу чего и прочный союз с ними был бы переален и маловероятен, целиком согласен с Фокиным.

Что до правильности или нет российской иностранной политики, она, судя по всему, была правильной, и во всяком случае успешной, в течение многих столетий; но сделалась, странным образом, в высшей степени некомпетентной и неудачной с начала теперешнего нашего века, в трагическое царствование имп. Николая Второго.

Безумием была война с Японией, излишняя и обернувшаяся страшной катастрофой (которую легко бы было и предвидеть...). С нее началось скольжение нашей страны к гибели...

Ее бы можно было еще спасти. Но не следовало ввязываться в мировую войну. Останься мы нейтральными, — все бы постепенно наладилось. Да и, если уж воевать, то воевать-то бы нужно было в другом лагере: сплотить в договор с нами Германию и Японию (и Австрию пришлось бы прикнуть). Такой блок показал бы себя несокрушимым; и, главное, он явился бы блоком монархических государств.

А Англия, наш исторический худший враг, остро уязвимая через Индию, не в состоянии оказалась бы всерьез сопротивляться.

Крайне меня удивляет, что оба оппонента, Бровцын и Фо-

кин, бряцают оружием по адресу Турции. Зачем?! Наши с ней конфликты принадлежат прошлому и с оным прошлым минули.

Предугадать грядущую мировую ситуацию немисливо. Не исключено, что освобожденная Россия найдет выгодным и удобным с Турцией поддерживать наилучшие отношения. И нет оснований думать, что та на нас нападет; у нас, как и у нее, есть другие опасные враги, у каждого свои.

Битва христианства с Исламом сейчас совсем несвоевременна. Взглянем на Испанию, вся история которой строилась на длительной борьбе с мусульманами, и которая ныне отлично ладит с арабскими странами.

Стратегическое значение проливов (как сам Фокин верно и указывает) сильно упало. А Константинополь... что бы мы с ним стали делать?! Превратили бы его в заморское владение, наподобие нелепого Калининграда? Общих границ — то ведь у нас нет с европейской Турцией; разве что мы

захватили бы целиком Балканы, вместе с Грецией (от чего Борони Бог!).

А ведь если угрожающие намерения г-д Бровцына и Фокина попадутся на глаза турку, даже и антикоммунисту, и хотя бы русофилу, — скверное впечатление они на него произведут; и, надо полагать, для нашего дела бесполезное...

От вмешательства в дела Европы, Азии и даже остальных частей света нам незачем заранее отказываться. Смотря по обстоятельствам, мы наверное будем в их дела вмешиваться для соблюдения своих собственных национальных интересов, а иногда и для наведения или поддержания справедливости. Но конкретно нельзя вперед предопределить в какие формы наши мероприятия выльются.

Будем только желать и надеяться, чтобы воскресшая великая и праведная Россия с честью продолжала основные линии поведения старой, до-революционной!

Самое неприемлемое, на мой взгляд, в статье Бровцына

есть предложение для чего-то отложить восстановление монархии в России в долгие дни, а вместо того ввести республику (да еще и лицемерно не называя ее по имени!).

Таким путем мы только и можем бесспорно все проиграть. Ввести республику легче, чем потом ее отменить (все связанные с нею выгодами чиновники, сапожники, бюрократы и всяческие мошенники, — так вдруг и отдадут власть, когда их попросят?).

И по какому праву мы откажем нашей исторической династии в желании вернуться на трон? Нет: сколько от нас зависит, — мы должны стремиться к восстановлению монархического строя как можно скорее. Вот тогда для России засияет новое солнце, и ее раны смогут быть залечены; и кто знает? Может быть, и не столь глубокими, как они сейчас выглядят.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Шульц: "Ты знаешь, родная, не исключено, что в нашей спальне есть советские микрофоны..."

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

**Записная
Книжка**

май 1987 г.

Хотя Горбачев, вероятно, сам прекрасно понимает, что рыночное свободное хозяйство намного эффективнее несвободного, централизованного, социалистического... он пока, по его же личным признаниям, каждый день перелистывает сочинения Ленина, черпая из них "истины" и "мудрые слова", указывающие как вести впредь огромное государство. Поэтому, больших изменений в стране пока не предвидится.

Брошен пароль "Трезвость — нор-ма жизни", но население и дальше пьет. Правда, увеличилось число кооперативных магазинов во многих крупных городах. Кое-что в них и продается. Например, нам известно, что когда бывает мясо, как положено — с костями, то килограмм стоит 8 рублей, а колбаса (килограмм) 11 рублей. Можно себе представить, что творится на рынках, где всегда цены были в 2-3 раза дороже государственных. Значит, вдвое подорожала не только водка, но и мясные продукты. Зарплаты же остались старые. По официальной статистике, в среднем, 150 рублей в месяц; но существуют многие, зарабатывающие и еще меньше. А положение в селах? Раньше в Сельпо бывало, как говорилось, "килька в томате, да Манька в халате", но сейчас и кильки в стране с огнем не слышишь!

Перед нами фотография индийского премьера Ганди с супругой, на приеме в ноябре прошлого года в Москве. Рядом — сам Горбачев со своей улыбающейся супругицей — Раисой Максимовной. Эта фотография появилась, как в СССР, так и на Западе. Однако, в "Правде" на лбу Горбачева большого пятна нет. Но есть и другие ретуши. На западных фотографиях на левой руке эlegantной "первой дамы" Советского Союза виднеется крупное бриллиантовое кольцо. На этой же фотографии, по предназначению для трудящихся Советского Союза — дорогое кольцо отсутствует. Подсоветским гражданам не следует знать, как живут "слуги народа".

На чемпионате по лыжному спорту, на стадионе в Западной Германии, были выставлены, как всегда, рекламы различных западных предприятий. Среди них и "Wodka Gorbatschew". Советские спортивные руководители попытались протестовать, но западные немцы их протесты оставили без внимания. Вывеска с "горбачевкой" так и осталась до конца всех соревнований.

Однако, "горбачевка" существовала еще в царское время, в купеческой Москве. После революции русские купцы Горбачевы переселились в Берлин, и по сей день там производится водка с испоганенной теперь фамилией.

Кстати, кто в последнее время наблюдает за подсоветскими спортсменами на цветном телевидении, — особенно, за легкоатлетами, — тот должен заметить, что они носят майки весьма напоминающие традиционный русский флаг. Спортивные их одеяния — красно-сине-белые.

Отметим, что сегодня существует официально в армии чин прапорщика, который много лет после революции почитался бранным словом. Видать власти стараются задобрить и оседлать русских националистов.

Преклонного возраста старца Артуковича, которого американские власти на посылках передали югославским властям на расправу, коммунисты осудили на смерть и расстреляли! Но у них, после этого, разгорелся аппетит. Сейчас они потребовали от американцев выдачи других антикоммунистических эмигрантов, в том числе православного священника "войводу" Джунча. Нужно напомнить, что сербские четники были монархистами, которые кроме ведения борьбы с партизанами Тито, воевали и против немецко-итальянских соединений.

Суд над украинцем Демьянюком продолжается. По свидетельству Руфи Окуновой, его американский защитник Марк О'Коннор покинул Израиль. У защиты нет денег: адвокат должен месяцами находиться в Иерусалиме.

Хотя после ареста Демьянюка, украинцы в США собрали сто тысяч долларов для его защиты, этого не хватило. А какого-либо израильского адвоката к защите привлечь не удалось.

Существует масса причин, по которым к судопроизводству можно отнестись весьма скептически. Во-первых, обличающие Демьянюка документы получены из КГБ. Во-вторых, сам Демьянюк заявляет, что в немецкой армии служил, но в лагере смерти Трешлинке не был.

Даже "Новое Русское Слово" от 21 января с. г., заявляет, что три поляка, свидетели по делу Демьянюка, от польских властей выездной визы не получают. Эти поляки, бывшие узники Трешлинки, утверждают, что на предъявленной им фотографии Демьянюка военных лет изображен человек, абсолютно не похожий на охранника-садиста, прозванного "Иваном Грозным".

Обвинение, построенное на таких шатких уликах, не делает израильскому правосудию чести. У многих может появиться мнение, что на скамье подсудимых сидит невинный человек.

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

**ЗАВЕТЫ
ПРЕДКОВ**

Народной ярости не шло
Смиряться страшною игрой.
Тебе, Семнадцатый Лисовик,
Стал братом Алексей Второй...

Но помню горестно и ясно —
Я-мать, и наш закон-простой:
Мы к этой крови непричастны,
Как непричастны были к той.

М. ШКАПСКАЯ

**Журнал
«Согласие»**

В Лос Анжелесе издается русский

патриотический журнал "Согласие"

36-ой год издания на 68-ми стр.

Отделы: политика, история, религия

литература и крестословицы.

Выходит один раз в месяц.

Подписная плата в США — 18 долл.

за границу — 21 долл.

Чеки направлять по адресу:

"SOGLASIE"

5430 Fernwood Avenue

LOS ANGELES CA 90027 USA

Трибуна Читателя**НЕДОМЫСЛИЕ**

Насчет книжки Т. Кленси "Охота за "Красным Октябрем", которую мне случилось недавно прочесть, и рецензия на которую помещена в "Нашей Стране", в № 1917, мне хочется сделать следующие замечания. Меня в ней поразили нелепостью два эпизода; вот какие:

1) Некого Хендерсона, депутата конгресса и видное лицо, американцы изобличают как советского шпиона. И что же? Сажают в тюрьму? Нет: пытаются использовать как двойного агента. Но, зная насколько техника КГБ превосходит таковую американской контр-разведки, легко предсказать, что он будет на деле и дальше служить прежним хозяевам. Те, весьма вероятно, заранее предупреждают своих подчиненных как надо себя вести, сложись так обстоятельство (притвориться, что согласился, и продолжать прежние);

2) Весь роман построен на той ситуации, что целая группа советских офицеров переходит на сторону США, захватив с собою подводную лодку новейшей конструкции. И вот, американское правительство решает лодкою завладеть, чтобы проникнуть в ее секреты, а перебежчиков спрятать, обеспечив на всю жизнь деньгами и сделав им пластические операции, дабы их нельзя было впредь узнать (еще и согласились ли бы люди на такое!).

Поразительна глупость таких мероприятий. Военные секреты — вопрос секундный; сегодняшний секрет завтра известен всему миру.

Тогда как переход группы офицеров в лагерь противника (состоит он в реальности) мог бы иметь огромный пропагандный эффект. Чем бы и воспользоваться; а уж никак не скрывать!

Автор тут, впрочем, и не виноват; он, видимо, рисует ту психологию и те приемы, которые в США практикуются и были бы применены при соответствующих обстоятельствах.

Но что за скудость мысли! И на что же надеяться людям, так рассуждающим?!

Г. Криваго (Италия)

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Опять дурные новости из Парижа. Там все время что-нибудь случается, — и обычно, плохое.

Уехала в СССР, 11 апреля, самолетом, поэтесса Ирина Одоевцева, в прошлом ученица Гумилева, позже жена Георгия Иванова и, много лет после его смерти, вторым браком, — Я. Н. Горбова, тоже ныне уже покойного, редактора вместе с князем С. С. Оболенским журнала "Возрождение".

Сама она не была большим поэтом, но вращалась всегда в высшем литературном кругу, о чем интересно и рассказала в двух своих книгах, "На берегах Невы" и "На берегах Сены".

Еще совсем молоденькой девушкой, Одоевцева говорила, что хочет непременно дожить до глубокой старости. Судьба исполнила ее желание... и лучше бы ей было умереть раньше.

В позорном событии виновата, безусловно, не она одна, а вся парижская эмиграция или, вернее, благоденствующая и доминирующая ее часть.

Почему старая женщина оказа-

лась в одиночестве и в нужде? Мало того, по какой-то темной интриге ее посадили было в сумасшедший дом. Умалишей она не была, хотя видимо и страдала частичной амнезией, не удивительной в ее годы. Только с помощью французских друзей удалось ей оттуда вырваться.

Теперь, пишу мне, большевики решили ею завладеть, как последней реликвией Серебряного Века. Скорее всего, она им нужна для того, чтобы ее устами распространять всякую ложь о Гумилеве, в нужном и выгодном им направлении; может быть, и для того, чтобы клеветать на эмиграцию. А попав в их лапы, она, понятно, как и любой человек, скажет все, что потребуют.

К ней обратились с соответствующими предложениями, а с момента, когда она изъявила согласие на репатриацию, ее стеной окружали советские представители, и эмигрантов до нее больше не допускали.

"Русская Мысль" хранит стыдливое молчание. Или событие недостаточно важное? Или она своим читателям сообщает только приятные известия, а грустные от них скрывает? Тем более неприлично оно получается, что Одоевцева была сотрудником парижской газеты и опубликовала в ней целый ряд рассказов.

Е. Веденеева (Бельгия)

**Языковые
Уродства.
ЧУХОНЕЦ**

Можно лишь приветствовать переиздание в СССР, — в Москве, в 1987 году, — сборника стихов графини Е. Ростопчиной "Талисман", включающего ее очень недурную и малозвестную пьесу "Невидимка". Тем более, что введение, пера В. Афанасьева, практически не содержит тошнотворной и всем осточертевшей марксистской пропаганды. Хотя и оно, и самый подбор стихотворения не свободны от тенденции подчеркивать сочувствие Ростопчиной декабристам и либеральным течениям. Что это не вовсе верно, явствует из упоминания тут же, что ее первое стихотворение было посвящено Шарлотте Кордэ и что одним из ее любимых поэтов и героев являлся Андре Шенье!

Но если выпуск книги радует, слабость примечаний удручает, свидетельствуя об укладке культуры у нас на родине (о котором мы уже упоминали в связи с книгой "Беседы и интервью с Л. Толстым"). Один пример: среди действующих лиц "Неподимки" фигурирует "Готлиб-чухонец, сын управляющего". Редакция комментирует: "Финн (в драме Ростопчиной это финн, получивший немецкое воспитание)".

На самом деле, чухонец или чухона означает по-русски не только собственно финна, но и шире: представителя любого из западных финских племен (вепсов, ливов и т. п.), в том числе и эстов.

Жители Финляндии до революции находились под шведским, а не под немецким влиянием. Наоборот, эстонцы подвергались сильнейшей германизации; они принимали часто немецкие имена, переходили целиком на немецкий язык и даже выдавали себя за немцев.

Эстонцем является, несомненно, и Готлиб. Но, очевидно, слово чухонец как пренебрежительное и выражающее по мнению большевиков "великорусский шовинизм", попало у этих последних под запрет и теперь стало столь неупотребительным, что его нужно читателям пояснить!

Жаль, что поясняют—то и неверно...

Аркадий Рахманов

МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

МОЛИТВА ЗА ЦАРЯ

В статье В. Короленко "Мултанское жертвоприношение" цитируется работа А. Андриевского "Столетие Вятской губернии", содержащая текст молитвы, произнесенной жрецами язычников-черемисов которых, в 1823 году, сошло 3 декабря в Серпуховской волости до 3000 человек у ключа, появившегося недавно в сухом месте, что сочтено было за особую милость Божию:

"Великий древний Бог! Тебе народ поусердствовал ныне молением, привел скота, принес хлеба, свеч, пива и меду, собравшись пред сим деревом: возлюбил это и милостиво прими!

Боже! дай помощь в жизни народу, дай скота, после сего дай хлеба, после хлеба дай пчел, после пчел просим денег на оплачивание подати, после денег просим лесной ловли, после лесной ловли просим водяной ловли на выручку денег.

Милостиво прими!

Боже! дай в веке сем хорошему житья Белому Царю и всем молящимся здесь людям, которые привели скота, поставили пива и кто дал денег. Милостиво прими, аминь!"

О тех молебнах, которые в более или менее официальной обстановке за русских государей служились, скептики могут предполагать, что они совершались по указу властей или на угождение оным. Но тут — не только происходило неофициальное, но как бы даже запретное моление (о нем производилось следствие; впрочем, никто за него не был наказан).

Здесь люди молились, несомненно, по искреннему чувству и убеждению. И потому наверное их молитва вознеслась прямо к небесам, за великого царя Александра Блаженного.

Гамид Салыкбаев

БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Парнов. "Третий глаз Шивы" (Кишинев, 1986).

Можно констатировать, скорее с радостью, возрождение в СССР детективного жанра. Мы говорили уже, в этом плане, о книге И. Грековой "Пороги". Но там налицо была попытка серьезного, психологического романа с детективным оттенком (о составителя анонимных писем, каких во Франции именуют *corbeau*, а в Англии *poison pen*); нечто, по замыслу, вроде Достоевского.

Иное дело — разбираемое сейчас произведение: оно открыто и сознательно принадлежит к типу авантюрных сочинений, и даже, в данном случае, с уклоном в сторону научной фантастики. Недаром оно и входит в серию под общим заглавием "Мир Приключений".

Итак перед нами (наконец, после долгого перерыва!) нечто, напоминающее талантливые книжки 20-х годов "Месс-Менд" и "Чемодан крокодиловой кожи". Потом подобного не бывало. Почему? Полагаем, вопрос в том, что сколько-то искренний коммунистический энтузиазм и у публики, и у писателей угас; а казенная пропаганда никак не мирилась с увлекательным сюжетом, с острыми переживаниями, с драматическими поворотами фабулы.

Е. Парнов, — а он, видимо, автор и других вещей, помимо "Третьего глаза Шивы", — выходит из трудной ситуации простым приемом (впрочем, почти таким же, как и И. Грекова). Его положительные герои, — работники уголовного розыска, младшие и старшие научные сотрудники, академики, литераторы, — внешне лояльные советские граждане; а о

политике они не рассуждают и внутреннего своего мира, касающегося сей области, нам не открывают. Занимаются просто каждый своей профессией, — и переживают личные свои трагедии.

Противопоставленные им мошенники — тоже люди как люди, не классовые враги или шпионы, а воры по ремеслу или случайно соблазненные выгодной аферой интеллигенты, пускающиеся в контрабанду и спекуляцию. Единственный враг (и то в прошлом) режима, бывший басмач Мирзоев, ставший скупщиком драгоценных камней, изображен довольно объективно, и даже с полускрытой симпатией.

Действие вертится вокруг классического, многократно уже использованного в литературе (например, Уильяма Коллинсом в "Лушном камне") сюжета о роковом бриллианте; тут — красным алмазом.

Однако автор, стоящий на вполне удовлетворительном культурном уровне, вносит сюда новые элементы: современные научные опыты над изменением цвета и качества драгоценных камней и искусственным их производством, подробность их обработки и шлифовки, их использование в промышленности и т. п.; а с другой стороны, — страдания приносящего несчастья алмаза "Огонь-Вино" через века, его появления в дравидийской Индии, в зороастрийской Персии, в руках Тамерлана, в Тибете прошлого века... Не говоря о побочных мотивах, например, о культе сомы (в виде растения, налитка и божества) и о тайнах, заключенных в ведических гимнах древних браминов. Или о чувствах растений и их реакции на происходящие вокруг них события...

Во всяком случае, роман вполне отвечает главному требованию приключенческой, и в частности детек-

тивной литературы: он читается с интересом и с удовольствием.

Почему и не станем придирается к кое-каким дефектам в композиции, которые, хотя и имеются, не портят существенно общего впечатления.

Б. Хазанов. "Миф Россия" (Нью Йорк, 1986).

Книга является, в своем роде, обманом публики: автор просто переписал свое прежние сочинение, "Идуший по воде", добавив пролог и несколько незначительных очерков (в частности, воспоминания о концлагере) и выкинув заодно кое-что из прежнего. Войдем в положение читателя, почему-либо интересующегося творчеством Хазанова: купив этот томик, он с досадою увидит, что потратил деньги зря, на приобретение сборника, уже ему знакомого, а то и имеющегося в его домашней библиотеке. Но, очевидно, какие-то влиятельные круги считают мысли Хазанова столь важными, что их необходимо елико возможно шире распространять и русскому Зарубежью навязывают.

Трудно с такою оценкою согласиться. Займемся одним прологом, — он, все же, свежий товар, а не лежалый. Писатель постоянно догадывается, что никогда не желал быть русским патриотом, хотя мол советское правительство этого от него требовало. Сии рассуждения представляют собою фальш или недоразумение. Поговорка гласит: "Насильно мил не будешь". Принудить вообще ни к какому чувству нельзя. Можно заставить так или иначе действовать; а что человек испытывает в душе, решает он сам. Мы, например, любим Россию не потому, что нам кто-то велел, а потому, что так подсказывает сердце, и мы иначе не можем. И Хазанов нас не отговорит.

Вот эта любовь, она-то и есть патриотизм; который ничего не имеет общего с советским патриотизмом. Мы любим русский народ и нашу страну; а большевики суть их худшие враги и мучители. Потому и ностальгия для нас вполне реальное переживание, в отличие от голландца, неверно цитируемого Хазановым (тоска по родине по-голландски называется *heimwee*, а не *Heimweh*).

Хазанов в мельчайших деталях описывает, как уезжал из СССР. Мы не уезжали, мы отступали перед надвигающимся врагом. И мы хорошо знали, против кого воюем: против большевиков. Когда нас упрекают в борьбе против русских, ответим: всякая междоусобная война такого, всякий бунт и всякая революция или контр-революция.

Напрасно автор книги кричит: "Никакого реального *мы* русская эмиграция не представляет". Представляет; только он к ней не принадлежит. Единственное, что мы с ясностью из его сочинений (не только этого...) узнаем, это, — что он русскому народу всегда был чужд и враждебен.

Владимир Рудинский

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ

Издательство и Редакция "Нашей Страны" обращаются к каждому подписчику с просьбой постараться найти хотя бы одного нового подписчика на нашу газету.

Если бы даже только половина сегодняшних читателей нашла по одному новому подписчику, этим не только упрочилась бы материальная основа "Нашей Страны", но и была бы создана возможность увеличения размеров газеты и расширения и улучшения ее содержания.

Среди книг

НАДРУГАТЕЛЬ

Русофобия нам не в новинку: от развратного дилетанта Кюстина до оплачиваемых профессионалов Третьего Рейха и их учеников — американских журналистов. Но мерзости подобной сборнику статей Б. Хазанова "Идуший по воде" (Мюнхен, 1985) мы еще не видели. Разберем из него лишь один очерк под издевательским заглавием "Не поймет и не оценит". Клеветник, — не чета прежним! — родился и вырос в России, и свою безмерную к ней ненависть выражает гладким русским языком, чуть ли не ритмической прозой. Злоба его — глубокая и продуманная; не то, чтобы в бою, или в опьянении погрома... Мишенью себе он избрал Тютчева, за дивные стихи того "Эти нищие селенья"... И что в них только могло разжечь палящую ярость врага? Если бы выражали они гордость или самодовольство; а то ведь — признаки в нашей бедности, простоте, отсутствии броской красоты. Или его бесит — верно уж так! — упоминание о Христе?

Строки, идущие прямо к сердцу русского, особенно великоросса, вызывают бешенство у отщепенца, дикое желание изгадить, высмеять, уничтожить... И он топчет, сколько сил хватает, чужую святую, захлабывая оскорбительными фразами; каждый период речи взвешен, каждая сатанинская ухмылка рассчитана. Темная, растленная душа скверного до мозга костей человека проглядывает через его ухищрения.

Нам его иступление, — вроде как если бы грязный хулиган поносил похабными словами имя любимой нами женщины. В русском пейзаже хулиган видит одну гадость: "река из грязи и кузов застрявшего грузовика". О какой же природе мечтает требовательный г-н Хазанов? О пальмах Палестины? Нет; в Израиль ему, оказывается, не хочется, потому что это "маленькое отважное государство, отбивающееся от врагов". И так, там опасно. И Хазанов предпочел осесть в Баварии. Нам его пожелания — следующие: "Спасением был бы распад империи... возвращение к статусу государства". Однако, на столько-то у него ума хватает, чтобы грустно добавить: "Но это невозможно".

О России он с восхищением ци-

тирует ответ Бялика на вопрос, что изменилось после революции: "Ничего особенного: хазир (боров) повернулся на другой бок". А вот как он определяет всех нас: "Хотите быть патриотом? Отпустите бороду, научитесь изъясняться веревочным языком, усвойте огородную терминологию, почаще склоняйте имя Божие и не устаете объяснять бездуховному Западу, что он немощен и сгнил изнутри, до основания проеден червем либерализма, атеизма, рационализма и марксизма". Оно не без интереса: вот чего г-н Хазанов боится! Недаром же он именно *не устает* нам повторять, что большевизм — отнюдь не абсолютное зло. Недаром все время предостерегает не

ставить вопрос так: "Либо мы с дьяволом, либо с Христом. Или коммунизм, или Россия. Или советский, или русский". Словом: не надо называть вещи своими именами! Не по нутру это нечистой силе...

Незавидит Хазанов *всякую* Россию: прошлую, теперешнюю и будущую; крестьян, дворян, даже старую левую интеллигенцию, — за то, что верила в народ. Правда, он о себе утверждает, будто любит Россию — *извращенною любовью*. Не надо нам такой любви!

Спорит автор "Идушего по воде" со своими противниками своеобразно: навязывает им бредовые высказывания, а потом за оные громит. Вроде того, что мол все немцы ответственны за Гитлера, а русские не ответственны за Сталина. Но мы ничуть не виним немцев того типа как Штауффенберг за национал-социализм. Хотя Гитлеру не пришлось столько народу истребить как большевикам. И *всех русских винить за Сталина, — вовсе уж несообразно с правдой.*

Хазанов неустанно повторяет, что он мол еврей. Приходится напоминать себе, что были и есть евреи, как Н. Мандельштам, Ф. Светов, Н. Коржавин, способные понимать и любить Россию, и которых мы уважаем. Как выражался Пушкин:

Не в том беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мишкевич лях.

Но скажем прямо: если будут когда созданы специальные курсы для русских антисемитов, — советуем каждому дать в руки книжку Хазанова. Читая ее, у всякого русского кулаки сжимаются...

Савва Юрченко

Зарубежная Жизнь

ВЕЧЕР ПОСВЯЩЕННЫЙ ФЕВРАЛЮ В МЮНХЕНЕ

Русский литературно-исторический кружок "За Веру и Верность" совместно с библиотекой Толстовского Фонда в Мюнхене устроил доклад Л. И. Барат-Баранова на тему "1917 год — исторический рубеж судеб России".

Сотрудник "Нашей Страны" начал с указания, что отвратительные картины происшествий февраля 1917 года, существующие в нашей памяти в грязно-серых и кроваво-красных тонах, несмотря на уже 70-летнюю давность, имеют в основе своей судьбонное значение для всего мира и по сей день: тогда началась мировая катастрофа, разворачивающаяся в наше время.

Сегодня уже и на Западе становится ясной сущность этой катастрофы: как бы расхлестал туман, навеянный вековой ложью и обнажается горькая правда этой "долгожданной революции". Если второсортному адвокату Керенскому, подвизавшемуся в сомнительных делах, и должна была быть присуща хлестаковщина в его политических похождениях; если Бронштейну-Троцкому, взрастившему свои амбиции и претензии к ходу истории в условиях местечка юго-западного края России, лестно было вознестись в ранг разрушителей великой и прекрасной страны; если, наконец, Ленину, всю жизнь ожидавшему часа, когда можно будет испробовать действенность его коммунистической теории, так важно было доказать свою "правоту" в осуществленном разрушении отечества, — то есть ли доля оправдания сонму сановников, дипломатов, придворных чинов, генералов с генерал-адъютантскими погонами (на которых блеснул вензель Государя), изменивших своему монарху еще до революции и с такой легкостью отвернувшимся от него в критический час?

Ведь именно из-за этого равнодушия к судьбе отечества со стороны тех, кому было многое дано, пала власть честная, историческая, просветительски-созидательная. На смену ей сразу явилась власть бездарных и бессодержательных болтунов.

Докладчик подробно остановился на анализе событий февраля и последующих месяцев семнадцатого года. Февральская революция, подчеркнул он, не решила ни одного кризисного вопроса своего времени: избитые западные политические программы, затасканные красные флаги, чужая, взятая напрокат, песня-марсельеза, вепольные для народа слова и лозунги вроде "без аннексий и контрибуций", "самоопределение народов", и поверх этого, оплевывание всего русского.

Закончился доклад напоминанием о том, что ценности, предаваемые в это страшное время на поругание — уважение к религии, преданность Государю и любовь к родине — были как раз те начала, которыми в течение веков держалось русское государство. Они всегда были живительными истоками истинного патриотизма, во имя них шли на подвиги и умирали на поле брани сотни тысяч доблестнейших сынов России. После доклада публичка слушала стихи В. А. Петрушевского (1891—1961), преданнейшего сына России, посвященные памяти Государя Николая II, которые проникновенно прочла Е. Березина. Затем ею же был прочитан эпилог из книги П. Жильера "Тринадцать лет при русском дворе", в котором последние месяцы жизни Государя и его семьи оценены как подвиг кроткого и сложного страдания, но непримиримости с врагами, которые разрушили их отечество и расхитили его благосостояние... "Император и императрица хотели умереть мучениками за свою страну: они умерли мучениками за человечество... Они обнаружили трогательные доказательства удивительного душевного спокойствия, против которого бессильны всякое насилие и всякая злоба и которое торжествует даже и в смерти".

В этот вечер в Мюнхене прозвучал также гимн "Боже, Царя храни" — единственный русский национальный гимн.

Ведущий вечер доктор исторических наук И. О. фон Глазенп сделал короткий, но глубоко подытоживающий обзор Февралья обзор, отметив особенно, что мы, русские, постигшие смысл этой революции на великих потерях, надеемся, как и швейцарец Пьер Жильер в 1920-ом году, что человечество найдет в себе столько сил разума, чтоб "почерпнуть из страданий царской семьи нелободимую силу нравственного искупления".

Отрадно, что в вечер, посвященный памяти Государя-Императора Николая II, участвовали также некоторые недавние выходцы из России, у которых понимание трагедии нашего отечества возникло вопреки "советскому воспитанию". Будем надеяться, что их опыт отражает в достаточной степени тот процесс пробуждения в нашем народе чувства самосознания, на который мы, прожившие почти всю жизнь на чужбине, возлагаем свои чаяния.

Литературно-исторический кружок "За Веру и Верность", несмотря на отрицательное отношение к нему некоторых "прогрессивно-либеральных" кругов русской общины Мюнхена и часто полное безразличие тех, кто на всех перекрестках любят кричать о своей "русскости", продолжает свою деятельность по освящению славного прошлого российского государства, его великой культуры, национальных традиций и быта. Здесь в Зарубежье истинно русские люди поняли и оценили, как дорого им наследство Царской России. Цель кружка заключается именно в том, чтобы наследие не было предано забвению даже после многолетнего отчуждения от отечества.

Б.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная еженедельная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год - 60,- долларов, на полгода - 35,- долларов, на 3 месяца - 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

ВЛАДИМИР САМАРИН

ГДЕ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

1.
"Звонит колокол"... Так называется книга Сергея Яворского, тридцать лет жизни своей отдавшего советским концлагерям и ссылке.

Сергей Яворский — талантливый литератор, русский эмигрант, был захвачен в 1945 году советскими органами госбезопасности в Манчжурии.

Без всякой вины с его стороны, только за то, что он — эмигрант, Яворский на долгие годы был брошен в ад советских концлагерей.

По отбытии десятилетнего срока попал в ссылку, на Урал. Все долгие годы работал простым рабочим, на разных работах.

В течение 20-ти лет, каждый год, подавал заявление с просьбой разрешить ему уехать из Советского Союза, к жене в Австралию. И каждый год получал отказ. Долгие годы хлопотала и жена — и все безрезультатно. Долгие, мучительные годы ожидания... Наконец, пять лет назад, Сергей Яворский получил разрешение на выезд. Теперь он живет в Австралии.

Книгу свою "Звонит колокол" Сергей Яворский написал в форме романа. Повествование ведется от имени главного героя Гребяткина, то есть автора.

Как пишет Сергей Яворский, в его романе нет ни одного выдуманного лица, нет ни одного выдуманного эпизода. Форму романа он избрал для того, чтобы не пострадал никто из тех, о ком он пишет.

В книге Сергея Яворского — только правда, горькая правда.

В предисловии к книге он пишет: "Никто ведь наверно не может лучше рассказать о том, как больно, страшно и трудно висющим на крестах, — чем те, кто сам на них висел..."

Антинародный коммунистический режим Сергей Яворский не со стороны наблюдал. На собственном опыте познал он концлагерный ад, на собственном опыте познал жизнь народа. Проработав двадцать лет простым рабочим, он был в самой гуще народа, он прекрасно знает жизнь рабочих, жизнь колхозников.

2.
Страшен мир советских лагерей... Здесь выживают только те, кто хочет жить, кто не потерял волю к жизни. Концлагерная система делает из человека полумертвеца, потерявшего желание не только бороться за жизнь, но и просто выжить.

Об этих людях герой книги говорит так:

"Это люди с окаменевшими, мраморными лицами и с глазами пустыми, как стеклышки. Люди, сумевшие провалиться заживо куда-то в небытие. ... На собственные руки, на тело свое глядели, казалось, как на что-то чужое, им уже не нужное. А самое страшное — не замечали даже голода своего!"

Страшный мир, страшная жизнь! Сергей Яворский сумел устоять, сумел внутренне не слатся, как сдавались тысячи и тысячи. Сумел пройти через все испытания концлагерного ада не сдавшимся, не сломанным.

И вот то, что он устоял в концлагере, помогло ему пройти через все испытания после выхода на "волю".

Много страниц книги "Звонит колокол" посвящено жизни рядовых людей в стране, которой правят коммунисты, эти убийцы всего человеческого, что есть в человеке, — убийцы, одержимые ненавистью ко всему человеческому.

Человеконенавистническое "учение" Маркса породило носителей этого "учения", человеконенавистников.

К ним, к коммунистам—челове-

конеавистникам, обращено горячее слово Сергея Яворского:

"Вы пришли в мир с идеями первобытного, пещерного человека. И на вашей коммунистической земле, я вижу, вы слышите в человеке лишь звериное, рычащее, доисторическое. Ваша мечта — литтекантропный человек, не способный отделить себя от остального стада".

И из самой глубины души вырываются у героя книги скорбные слова:

"...Я лично не знаю народа более несчастного, чем народ русский".

Вот перед читателем столица великой и несчастной страны — Москва.

Вот ее вокзалы. Нигде так остро не чувствуется ему, герою книги, "дыхание придавленной режимом столицы, как на ее вокзалах".

"Набитые круглосучтоно тысячами людей, многие из которых по неделям тут же спят, московские вокзалы — чудовищные конгломераты недобрых запахов. В смраках этих, как в своеобразных зеркалах, по-своему отражена вся жизнь страны, прошитой кровавыми когтями. Теми самыми, что так символично горят сейчас над городом".

"Кровавые когти" — это красные пятиконечные звезды, символ режима.

О жилищном кризисе в Советском Союзе немало свидетельств. Немало свидетельств и в самой советской печати.

Но вот поистине страшное свидетельство Сергея Яворского о жилищном кризисе в стране и даже в самой Москве, в которой власти все время стремятся жилищный кризис устранить.

Герой книги говорит:

"Мучительнее всего голод жилищный. Вся гигантская страна — сплошное поле ожесточенной борьбы всех против всех за жилища. Ради квартир люди идут на все: даже на преступления, даже на убийства. В нескончаемой борьбе за жилища разрушаются семьи, ломаются человеческие судьбы. Терпящие поражение доходят до самоубийства, до потери рассудка. В Москве выжидаемые из квартир выбрасываются из окна на мостовые..."

И над всем, и над всеми занесен топор органов госбезопасности, топор чекистских нелюдей.

Нет, они не люди — чекисты. Они — нелюди.

Обращаясь к ним, к нелюдям, герой книги говорит:

"Около вас, чекистов, всегда ведь так или иначе где-то близко смерть. Около вас мне, извините уж, — около вас мне всегда слышится запах кладбища. Вы пришли ведь на землю убивать. И разрушать. Все, что сделано человеком".

3.
В книге своей Сергей Яворский рассказал, как "...страшно и трудно висющим на крестах", как страшно и трудно русскому народу, первой жертве коммунизма.

Сергей Яворский рассказал правдиво и страшно о том, что должны знать все люди земли, все, над кем занесен — а он занесен над всем человечеством! — кровавый топор коммунизма.

Изданная по-русски благодаря помощи и настойчивости Н. Н. Петлина, бывшего редактора газеты "Русская жизнь", книга Сергея Яворского должна была бы быть изданной и на других языках, прежде всего на английском языке, чтобы и те, кто не знают, узнали бы, что такое коммунизм, угрожающий всему миру, чтобы как можно больше людей на земле услышали тревожный звон колокола, извещающего о смертельной опасности со стороны коммунизма.

ВЛАДИМИР САМАРИН

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Kireeva: 89-0862. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0.80 ам. долл.; Германия - 1.80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0.80 ам. долл.; Аргентина - 0.60 австр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена объявления: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выставлять на Miguel Kireeff. Просьба не делать банковских переводов. "NASHA STRANA"

"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18 de setiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. No. 4233
Sucursal 30 B	Interes General. Conces. No. 3980